

Майдан. Еврейская повестка дня

Евромайдан бесспорно стал не только самым ярким событием политической жизни Украины в минувшем году, но и взорвал изнутри все постсоветское общество. Несмотря на очевидную отсылку к событиям 2004 года, Евромайдан — действительность совершенно иного порядка. Хотя бы потому, что его инициаторами были не оппозиционные политические лидеры, а общественные деятели, интеллектуалы, журналисты, а также певцы, медики, спортсмены и студенты.

Впрочем, и девять лет назад политики явно не ожидали столь массовой поддержки со стороны простых граждан, и на первом этапе даже растерялись, не понимая, что делать с вышедшим на улицу народом. В ноябрьские дни 2013-го оппозиционные лидеры вообще были вынуждены реагировать на общественную инициативу, что отражает определенную эволюцию, которую прошла Украина.

Евромайдан в гораздо большей степени, чем Оранжевая революция, поддерживавшая конкретного кандидата, является продуктом уже существующего, активного и вполне самостоятельного гражданского общества. Выступления 2004 года, как бы прекрасны они ни были и какие бы ностальгические ассоциации не вызывали сегодня у их «ветеранов» (автор этих строк — в их числе), были продуктом политического противостояния и имели четкие привязки к конкретным персоналиям. Цель Оранжевой революции — проведение новых, честных выборов президента страны — ассоциировалась с конкретной фамилией, носитель которой, несмотря на данный ему карт-бланш, эту надежду не оправдал. Спустя девять лет гражданское общество Украины — не только в Киеве, но и по всей стране, от Львова до Луганска, — не питает иллюзий относительно конкретных личностей и выступает за ценности.

В этом, как мне кажется, одно из наиболее значимых достижений

Евромайдана, даже учитывая, что кавалерийской атакой он не достиг поставленных целей. Более того, думаю, что это и хорошо. Что было бы, если бы Янукович подписал в Вильнюсе Соглашение об ассоциации, на что до последнего момента уповал первый вице-премьер Сергей Арбузов? Нынешний президент стал бы героем для отстаивающих гражданские права Майдана? Слава Богу, что президент Украины этого не сделал. Евроинтеграция под руководством людей, воплощающих яркую противоположность европейским ценностям, — это абсурд. Теперь все стало на свои места — вопрос только в том, насколько гражданское общество способно последовательно отстаивать эти ценности.

Майдан продемонстрировал свою силу, и не нужно дожидаться, когда все увидят его слабость. Структуры гражданского общества могут существовать и без палаток на главной площади страны. Впереди — пустыня до президентских выборов. От того, как украинское общество сможет ее перейти, зависит судьба Украины на ближайшие десятилетия.

Еврейская община не может стоять вне контекста текущих процессов. В последний месяц мне было крайне странно читать украинские еврейские печатные и электронные СМИ, практически игнорирующие основной вопрос нынешней социально-политической повестки дня. Тем не менее несмотря на тишину в «еврейском» инфопространстве, люди ищут — и находят, и более того — обосновывают историческими или иными причинами свое место в строю. Это — важная потребность человеческого существа — осознавать свое место в обществе. Человек есть животное социальное, как говорили еще древние греки. Каково же место еврейской общины в происходящих в Украине процессах?

Председатель Ваада Украины Иосиф Зисельс со сцены Евромайдана ответил на этот вопрос достаточно однозначно. Евреи — и не только евреи, но все представители национальных меньшинств — заинтересованы в четких стандартах, обеспечивающих права человека вне зависимости от этнического происхождения и религиозного вероисповедания. Следовательно, евреи — вполне естественные активисты и симпатизанты Евромайдана. Будучи в силу социального положения частью образованного городского постсоветского «квази»-среднего класса, они естественным образом разделяют убеждения и чувства национальной либеральной интеллигенции. Многие украинские евреи не только, как и все нормальные люди, возмущены избиением студентов

сотрудниками милиции, но и вместе со значительной частью общества разделяют опасения относительно сближения их страны с Россией. Пусть это не всегда четко артикулируется, но подразумевается, что евроинтеграция, помимо экономического, имеет еще и ценностное измерение. Европа — это плюрализм, мультикультурность, уважение к правам человека и внимание к нуждам и специфическим потребностям меньшинств и уязвимых групп. В подобной цивилизационной среде, подразумевающей гарантию защиты, еврейская община, привыкшая опасаться всего и вся, может чувствовать себя более уверенно, чем в ситуации застойной стабильности, где комфортное существование гарантировано исключительно волей авторитарного правителя — как это сегодня обстоит в Украине.

Гражданское общество, опираясь на современные европейские ценности, призвано обеспечивать равные права всем, вне зависимости от их этнического происхождения и религиозной идентичности. Более того, после эксцессов, последовательно превративших демократическую Веймарскую республику в тоталитарный Третий рейх, европейские институты настаивают на четко концептуализированной защите прав меньшинств по отношению к ксенофобскому произволу большинства. Именно это и есть современная Европа.

Трудно спорить с тем, что именно в подобных стандартах кровно заинтересована еврейская община Украины, как и все другие общины нацменьшинств. Тем не менее, среди евреев нет однозначного консенсуса о необходимости поддержки Евромайдана. В чем же дело, что перевешивает вполне очевидную заинтересованность уязвимого меньшинства в прозрачных правилах игры?

Любые «ценности» существуют лишь теоретически. В конкретной украинской ситуации основное противостояние идет между пророссийскими (советскими, евразийскими) институтами и «национальными», которые, в поиске покровительства, склонны прибегать к помощи Европы. То, что украинская демократическая революция суть национальная, — ни для кого не секрет. Другое дело, что в отечественной политической практике национальные институты, вполне естественные для европейских стран, требуют этнической легитимации. Еврейскую общину эта ситуация, конечно, не может устраивать.

У евреев, безусловно, должна быть своя повестка дня в европротестном движении — например, совершенно очевидно, что общину не может не интересовать прогресс в области реституции недвижимого имущества, незаконно отнятого во время Холокоста или в период большевистской власти. Как ни странно, за последние полтора месяца я нигде в украинской еврейской среде не встречал, например, дискуссий о перспективе реституции незаконно отобранной еврейской общинной собственности — а ведь этот процесс был неотъемлемой частью евроинтеграции стран Восточной Европы. И возвращение даже одной десятой сохранившейся недвижимости могло бы кардинальным образом изменить весь характер еврейской общины страны — по приблизительным подсчетам, сохранилось до двух тысяч теоретически подлежащих возврату объектов!

Разумеется, не эти соображения движут евреями, принимающими участие в протестах. Напрасно, пожалуй, скептики задаются вопросом, стоит ли евреям так спешить осчастливить окружающих очередной революцией — мол, один раз уже поторопились, так теперь национал-радикалы не в состоянии заниматься ничем другим, пока памятник Ленину не свалят. Просто еврейская община является неотъемлемой частью общества и не может, да и, пожалуй, не должна отгораживаться от происходящих в нем процессов.

В Киеве евреи, как и большинство столичных жителей, склонны поддерживать протестную акцию на Евромайдане. Практически все мои друзья и знакомые по столичной еврейской общине если не ночуют на Майдане, то приходят туда по выходным и материально участвуют в функционировании протестов. Значит ли это, что они, вслед за Иосифом Зисельсом, видят особый, еврейский смысл в борьбе с авторитарной и откровенно недемократичной властью? Считают ли они особой еврейской миссией, в рамках религиозно мотивированного процесса «исправления мира», *тиккун олам*, свое участие в гражданских протестах? Скорее, нет.

Отдельная «еврейская» повестка дня в целях Евромайдана отсутствует — или, как минимум, она не очевидна. Если бы со сцены Майдана прозвучал сформулированный выше тезис о неизбежности реституции еврейской общинной собственности на пути евроинтеграции, это вызвало бы только всплеск антисемитских чувств, которые заинтересованные наблюдатели и так время от времени фиксируют на Майдане.

Речь, на мой взгляд, скорее идет о глубокой степени интеграции евреев в общество. Но это же одновременно означает и высокую степень отчуждения евреев от происходящего на киевском Майдане и десятках «майданов» в провинции, призванных поддержать столичные протесты.

После Холокоста — большинство евреев Украины — потомки специалистов, приехавших по разнарядке работать в промышленных городских центрах республики, в первую очередь — Юга и Востока. Находясь в прочной общественно-информационной связи с большинством населения региона, евреи Харькова, Днепропетровска, Одессы и Симферополя скорее скептически относятся к правозащитным устремлениям соплеменников из Киева, Львова или Черновцов, поддерживающих, как и большинство тамошнего населения, Евромайдан и оппозиционные политические силы. Кроме того, национал-радикалы, присутствующие на Майдане с самого начала протестов, расписывающие стены лозунгами против «жидовской власти» и неонацистскими символами, изначально являлись заметной частью протестующих. Это столичным (и «западенским») евреям нужно решать, как им относиться к подобным «попутчикам». Евреям юго-востока, подозрительно относящимся к любым проявлениям национальных чувств, вполне естественно предать анафеме любые проявления национал-демократических чувств, как «фашистские».

Еврейская община разделяет ценности, идеалы и заблуждения окружающего населения. Собственно, это не новость — ровно те же явления мы наблюдали во время, например, российской агрессии против Грузии в 2008 году. Еврейской общине свойственно разделять наиболее распространенные в конкретной информационной среде стереотипы.

Однако в случае раскола внутри общества, как это имеет место в украинской ситуации, для евреев вопрос приобретает особую пронзительность. Каждой

стороне слишком соблазнительно было бы прибегнуть к эксплуатации антисемитских чувств для мобилизации потенциальных сторонников.

«Все лидеры оппозиции — воры и евреи», — сообщает сайт сторонников т.н. «Украинского выбора» Виктора Медведчука, очевидно, всем, кто склонен доверять этой, якобы интернационалистической (в противоположность этнонационалистическим «роевропейским» демократам), силе. Евромайдан организовали евреи, еще менее сдержанно кричит сайт партии Витренко.

С другой стороны — хорошо подготовленные к физическому противостоянию с органами правопорядка ультранационалистические активисты легко становятся героями Евромайдана — так, как будто все протестующие против brutального насилия со стороны власти готовы терпеть насилие со стороны правых экстремистов. Правые радикалы, находясь в абсолютном меньшинстве, изгоняют — иногда даже с применением физического насилия — негодные им группы из общего пространства протестов, открытого для самых разных политических сил.

«Свобода» на Майдане занимает значительно большее публичное и информационное пространство, нежели реальный удельный вес этой политической силы в обществе. Достаточно сказать, что эта партия полностью контролирует одно из двух зданий, занятых революционерами — Киевгорсовет. Однако, с того момента, как «Свобода» отмежевалась от штурмовавших Банковую 1 декабря экстремистов, партия получила мощный импульс для эволюции в более приемлемую для общества сторону. Занимающий отдельный этаж в Доме профсоюзов «Правый сектор» — неформальное объединение экстремистских группировок, тех самых, кого со сцены Майдана называли «provokatorami» — не стесняется декларировать изначальную ориентацию активистов на насильственные методы. По всей видимости, именно активисты «Сектора» расписывали стены и заборы в первые дни Майдана лозунгами «против жидовской власти».

Если говорить не об экстремистах, а о мейнстриме протестного движения, то проявления антисемитских чувств были зафиксированы разве что в специфическом карнавальном контексте рождественского вертепа. Со сцены Евромайдана депутат от «Свободы» (в этом, очевидно, была особая ирония сценария) Богдан Бенюк, и ранее прославившийся своими безграмотными антисемитскими высказываниями, кривляясь, изобразил Жида, которому «все

равно», чья власть, он всяко имеет «свой гешефт». В конце, правда, Жид «исправляется» и присоединяется к народу в восстании против тирана-Ирода, в котором угадывался нынешний президент Украины.

Так или иначе, но, как правило, при попытке сформулировать специфически «еврейскую» позицию относительно происходящего, сталкиваешься с амбивалентной позицией «самоустранения»: мол, нееврейское это дело — участвовать в разборках «гоев». Как будто украинские граждане еврейского происхождения могут абстрагироваться от глобальных социально-политических процессов, определяющих жизнь общества, в котором они живут. Эта позиция, ничем не отличающаяся от антисемитской, признаться, у меня совершенно не встречает понимания. Однако я прекрасно осознаю, на чем она основана и на какой логике она выстраивает свою аргументацию.

Что бы мы ни пытались сформулировать за еврейскую общину Украины, не думаю, что можно говорить о ее объективных и рациональных интересах в сложившейся ситуации. Любые аргументы «за» европейские ценности или «против» этнонационализма, неизбежно сопровождающего массовые демократические выступления, совершенно нерелевантны в реальности, в которой социальное поведение обусловлено влиянием окружающей среды, а не рациональным выбором модели общества.

Конечно, было бы неплохо, если бы еврейская община за оставшийся до выборов год осознала себя как важный, единый и влиятельный субъект общественно-политической жизни, обладающий собственными интересами и целями при выборе вектора развития общества в целом. Правда, вряд ли это произойдет. Однако развитие событий в этом направлении неминуемо, как неизбежен, на мой взгляд, и европейский выбор Украины.

Вячеслав Лихачев, специально для «Хадашот»